

ЛИШНЯЯ БУКВА В BRIC

Экспортно-сырьевая экономическая модель России достаточно хаотично сложилась в 90-е годы, когда в процессе распада советского экономического пространства и соответствующих ему цепочек создания добавленной стоимости экономические связи стремились замкнуться на внешние рынки, где предприятия могли найти устойчивый платёжеспособный спрос. Проще всего такой спрос можно было найти на сырьё. В стране, что была в долгах и критически зависела от притока твёрдой валюты, именно экспортно-сырьевой сектор стал "кормильцем". Когда в США, после краха финансового пузыря "доткомов" в начале 2000-х, случилось своё "потерянное десятилетие", потраченное на "войну с терроризмом", афганскую и ближневосточную авантюры, сырьевой сектор стал очень хорошим "кормильцем". Мягкая денежная политика, при помощи которой ФРС "откачивала" американский финансовый сектор после того, как биржевой индекс технологических компаний NASDAQ "сложился" в пять раз за пару лет, приводила к тому, что финансовый капитал в поисках лучшей доходности уходил из США. Американский фондовый рынок продолжал падать и после того, как с середины первого десятилетия XXI века начал восстанавливаться по долларовой номиналу, потому что доллар неуклонно слабел как к золоту, так и ко всем основным мировым валютам. В то же время поток американского капитала, уходившего из родной экономики, породил экономический бум в странах с незавершённой урбанизацией, способных предложить капиталу дешёвую рабочую силу. Именно этот американский финансовый поток стал причиной бурного роста в начале 2000-х Китая, Индии и Бразилии, в компанию к которым финансовые аналитики Уолл-стрит затем произвольно определили и Россию, создав ставшую модной тогда аббревиатуру BRIC. Этот

Андрей
СВЕТЛОВ

ПРЕДЕЛ ПРОГРЕССА

...и его преодоление

мем стал настолько модным, что доморощенные российские геополитики пытались одно время на его основе строить утопические концепции глобальной политики, противопоставляя блок развивающихся стран BRIC "умирающей империи доллара". Это было вдвойне глупо. Во-первых, потому что BIC (Бразилия, Индия, Китай) поднимались на созданном финансовой системой США американском платёжеспособном спросе, который был оборотной стороной для созданного финансовой же системой США инвестиционного капитала и кредита, пришедшего в эти экономики. Во-вторых, потому что Россия в этой компании — страна даже не вторичная по отношению к процессу распределения американских финансовых потоков, а третичная. Американский спрос ускорял экономический рост Китая, и китайский спрос на сырьё, порождённый этим ростом, уже поднимал глобальные цены на сырьё и на российский экспорт.

В 2008 году описанная выше финансовая модель стимулирования роста периферии глобальной экономики через финансирование накачку американского ядра и финансирование аутосинрга перестала работать. Модель "вы — работаете, мы — только потребляем и оказываем вам финансовые услуги" не может работать бесконечно при сохранении хоть сколько-то приемлемого для США отношения национального ВВП к глобальному. Не может просто потому, что для поддержания равновесия в такой модели стоимость финансовых услуг и транзакционные издержки должны расти бесконечно, и в финансовой системе неизбежно образование "пробок" в виде слишком сложных цепочек секьюритизации активов. Формальной причиной финансового кризиса 2008 года называют очередную финансовый пузырь, надувшийся тогда в США на дешёвом ипотечном кредитовании. Фактической же причиной стало падение рентабельности аутосинрга и вывоза американского капитала как следствие роста развивающихся экономик, которые (по мере роста) стали давать всё меньшую доходность и начали замещать иностранный капитал национальным. Этот процесс замещения наиболее активно шёл в Китае, и то, что раньше было глобальной периферией, стало уже совсем не периферией. А американский ипотечный пузырь был лишь следствием того, что постоянно усиливающийся глобальный дисбаланс сбережений надо было чем-то компенсировать в самих США. Грубо говоря, нужно было создавать всё новые долги и "отгружать" их на балансы развивающихся стран, порождая финансовую пирамиду, обречённую схлопнуться под собственной тяжестью. Это и случилось в 2008 году.

Надо сказать, что 2008 год высветил принципиальное различие между странами BRIC, особенно между Россией и КНР. Китайская экономика пережила тогда худшее падение среди всех стран "Большой двадцатки". Именно тогда стала очевидной разница между восходящей индустриальной сверхдержавой, способной заместить в момент кризиса внешний спрос внутренним и внешние финансы — национальными, и сырьевым придатком, абсолютно зависимым от внешнего спроса, с финансовой системой, способной лишь перепродавать дешёвые доллары в форме дорогого рублёвого кредита местным потребителям. Иной системы в России и не могло возникнуть в режиме, когда Центробанк в течение многих лет не проводил суверенной денежной эмиссии — с начала 2000-х и до 2008 года вся денежная эмиссия в России проводилась под экспортную выручку, а не в соответствии с потребностями развития экономики.

НОВАЯ ПОВЕСТКА

Кризис 2008-го поставил в России на повестку дня два вопроса. Первый — об изменении модели денежной эмиссии, которая должна быть отвязана от валютных поступлений и проводиться в соответствии с внутренним спросом на кредиты и реальными потребностями экономики в финансировании. Второй — о реиндустриализации России, хотя бы в формате импортозамещения.

Первый вопрос частично решён, хотя пути решения были тернисты и проиждены не без грубых ошибок. Вопрос решён, в основном, благодаря созданию высоколиквидного либерального рынка ОФЗ и механизмов координации политики Банка России, Минфина и крупнейших российских банков с государственным участием. И государство к 2020 году наконец-то худо-бедно научилось "печатать" для себя деньги.

Именно благодаря перечисленным выше механизмам Россия очень успешно прошла "коронавирусный" кризис в прошлом году. Мы впервые за всю постсоветскую историю глобальных кризисов упали меньше, чем Германия, которая является нашим соседом в мировой табели по показателю ВВП. И, по прогнозам МВФ, вырастем в текущем году лучше, чем Германия, если "коллективный Запад" не помешает этому своей санкционной политикой. Этот успех был достигнут благодаря согласованной контриктической политике правительства и Банка России, направленной на поддержку внутреннего спроса и региональных бюджетов в условиях катастрофического, беспрецедентного за всю постсоветскую историю шокового обвала экспорта.

Возрождение отечественного производства — та самая вторая задача, которая была сформулирована по итогам кризиса 2008 года в терминах "диверсификация", "импортозамеще-

ние", "создание высокопроизводительных рабочих мест". Без сильного преувеличения можно констатировать, что определённый успех в этом направлении достигнут лишь в агропроме и пищевой промышленности. Кроме того, ускорили темпы перевооружения армии и подновили инфраструктуру. А в остальном почти всегда справедливо крыловское "а вот и ныне там". Почему? Разберём подробнее.

ЗАКОН САМООГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДНОГО РЫНКА

Производство предполагает разделение труда. Чем сложнее, "технологичнее" производимый продукт, тем "глубже" разделение труда. "Глубина" разделения труда может быть оценена как количество отдельных актов производства, производственных транзакций, которые должны быть выполнены для получения конечного продукта. Транзакция — то, что должно быть выполнено полностью. Шарикоподшипник для вала двигателя автомобиля должен быть сделан полностью. Его изготовление — производственная транзакция, заканчивающаяся контролем качества изделия. Шарик для подшипника также должны быть сделаны полностью, иначе подшипник не будет изготовлен, — это предшествующая транзакция. Легированная сталь для подшипника должна быть выплавлена в заготовку, из которой будут выточены детали. Для стали должно быть добыто сырьё. И т.д. Это пример того, что финансисты называют "цепочкой создания добавленной стоимости". Потому что каждая производственная транзакция — это создание цельного компонента, который может быть оценён с точки зрения всех издержек и имеет большую ценность, чем то, из чего он сделан.

Помимо чисто производственных транзакций есть транзакции, связанные с разработкой технологий, доведением продукта до конечного потребителя и огромное множество других, связанных

станет эффективнее ядерной энергии, но материалы, созданные по ходу её развития, найдут себе применение во множестве других отраслей, а научные кадры сделают прорывы в смежных отраслях. А субсидии — это просто способ вливания денег в такую точку всего научно-технического комплекса, в которой деньги дадут максимальный мультипликативный эффект. Так, дав в правильное место своей экономической системы десяток миллиардов евро в год, можно сэкономить сотни миллиардов в год, например, на стоимости страхования валютных рисков при покупке иностранных компонентов.

Это называется "осознанная государственная финансово-промышленная политика".

Множество небольших производителей и высокая конкуренция — это признаки рынка сравнительно простых в производстве товаров. Например, рынок пищевых продуктов. Именно поэтому импортозамещение в пищевой промышленности достаточно простой процесс. А вот импортозамещение в сфере производства процессоров или сложных IT-продуктов — более сложное дело, требующее участия государства.

РЫНОЧНЫЙ ПРЕДЕЛ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Подведём промежуточные итоги:

1. На любом свободном рынке по мере роста сложности производства и удлинения цепочек создания добавленной стоимости возникает фундаментальный предел роста сложности производства из-за лавинообразного роста финансовых рисков, а следовательно, и роста стоимости финансирования и транзакционных издержек.

2. Достижение предела сложности останавливает рыночно оправданный научно-технический прогресс.

3. При прочих равных условиях больший рынок может естественным образом поддерживать научно-технический прогресс дольше, это и есть

главный драйвер глобализации, который суть — процесс создания максимально большого по объёму свободного рынка.

Сильные рынки поглощали слабые в ходе колониальной и империалистической экспансии в последние столетия, и это — естественный процесс глобального роста в рамках свободно-рыночных механизмов. Поглощали просто в силу того, что обеспечивали технологическое и, как следствие, военное превосходство участникам сильных рынков.

Однако увеличение масштаба рынка увеличивает транзакционные издержки, а увеличение масштабов влияния субъектов друг на друга увеличивает различные риски.

4. Прогресс может продолжаться в условиях той или иной формы ограничения свободного рынка при условии эффективного планирования и перераспределения ресурсов в развивающиеся отрасли.

Предельной формой такого ограничения свободного рынка можно считать советскую модель государства-суперконцентра, в котором была предпринята первая в истории попытка реализовать полное финансово-промышленное планирование всех производственных процессов и сбыта. Стоит отметить, что "нерыночный" СССР несколько десятилетий успешно конкурировал в жизненно важных отраслях с гораздо большим по совокупным доступным ресурсам рынком развитых капиталистических стран, обгонявших их в ГАТТ (впоследствии ставшим ВТО) после Второй мировой войны. Также методы планирования, используемые в СССР были взяты на вооружение японскими, а затем и корейскими корпорациями, сформировавшими на их основе финансово-промышленные группы ("кайрэцу" и "чеболи"), долгое время служившие ядром соответствующих экономик, опустивших им бурное развитие в период стагфляционного кризиса 70-х годов в США, когда американская экономика, упершаяся в естественные ограничения доступного ей рынка, пережила не лучшие времена.

На современном глобальном рынке ограничение свободной конкуренции, необходимые для поддержания требуемого для развития уровня сложности, устанавливаются либо олигополиями, либо в партнёрстве корпораций с государствами в форме протекционизма. При этом очевидные преимущества в проведении политики протекционизма именот государства, контролирующего больше по капиталоёмкости и по количеству потенциальных потребителей внутренние рынки. И очевидным лидером в проведении подобной политики пока что выглядит Китай. Неслучайно новая американская администрация снова поднимала вопрос о необходимости "альянса демократий", необходимого для противостояния "тоталитарным режимам", и главной целью такого потенциального альянса американцы называют вовсе не Россию, а Китай. С точки зрения временного решения проблемы излишней конкуренции устремления американцев совершенно ясны: создав единый рынок с ЕС и зависимыми от них странами, как азиатскими, так и странами Западного полушария, с единой финансово-промышленной политикой протекционизма они создадут силу, сопоставимую с Китаем по демографическому потенциалу и превосходящую его по ресурсному потенциалу. Так, лишая Китай рынка сбыта в США и ЕС, они могут выиграть холодную войну, которую объявили ему уже открыто. Однако это — снова временное решение, возвращающее на новом технологическом уровне в уже известную историческую ситуацию, только в роли СССР теперь выступит Китай.

Стоит отметить, что финансовое планирование может идти не только на стороне предложения. Оно может быть и на стороне спроса. И это первое, за что ухватились американцы, выходя из кризиса 70-х годов, потому что это проще: дать денег конечному потребителю, создав таким образом более высокую рентабельность для производителей, что даст им способность справиться с ростом сложности. Если СССР пытался до совершенства довести планирование предложения, США пошли по пути планирования спроса через его кредитную накачку.

Спрос стимулировался в США, но конечным получателем средств стал более конкурентоспособный производитель — Китай. Тот, что просто "печатает" деньги, отдаёт прогресс тому, что делает вещи. В конечном итоге он теряет возможность "печатать" деньги. Если посмотреть на структуру спроса на федеральный долг США сегодня, можно обнаружить, что основным его покупателем является сама ФРС. А финансовая игра "вы — работаете, мы — печатаем деньги и потребляем" не устраивает сегодня самих американцев, которые поняли, что слишком многое уступили Китаю.

НУЖЕН КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Вернёмся, однако, к нашей любимой стране, самому большому и жизнеспособному обломку СССР, который был сверхдержавой № 2 во второй половине прошлого века и, не справившись со своим кризисом роста сложности управления и планирования, был поглощён и разложен более сильным рынком, что и стало финалом рыночной глобализации планеты.

Глобализация состоялась. И тут же уперлась в глобальные ограничения "свободного рынка". На сегодняшний день кредитная накачка как метод расширения рынка для поддержания роста сложности и технологичности производств себя исчерпала. Прямое печатание денег фактически является введением "инфляционного налога" на глобальные сбережения в пользу поддержания дальнейшего технологического развития. Но

обесечение сбережений вымывает средний класс и ведёт к росту социального расслоения, принимающего в глобальном масштабе уже совершенно гротескные формы.

С другой стороны, усиление планирования и государственного контроля с переходом в глобальный контроль в пределе, весьма вероятно, спровоцирует кризис управления, подобный тому, что был в позднем СССР, только уже в масштабе всей глобальной экономики. Но при этом уже не будет никакого внешнего рынка, который поглотил бы впаду в подобный кризис глобальную систему, что может привести к совершенно непредсказуемым и хаотичным процессам её дезинтеграции. Правда, если она сумеет законсервировать себя, нас может ждать будущее, в котором мир начнёт меняться очень медленно. Как, собственно, и то было до начала научно-технического прогресса и финансово-промышленной глобализации.

И как же в этой ситуации нам в России решить проблему реиндустриализации нашей экономики?

Концептуальный ответ: нужно принципиально и надолго найти решение проблемы роста сложности управления производственными процессами, цепочками и соответствующими рисками. Мы слишком малы рядом с гигантами: с Китаем и потенциальным альянсом "коллективного Запада", чтобы представлять собой что-то самостоятельное на том глобальном рынке, который есть, и свобода которого сокращается. Значительными игроками мы можем быть лишь там, где мы уже реально контролируем значительную долю рынка. Например, можем влиять на ценообразование на нефтяном рынке совместно с ОПЕК.

ЭТОТ РЫНОК СЛОМАЛСЯ. НЕСИТЕ ДРУГОЙ!

Что такое рынок? Это среда, в которой осуществляется производство-финансовые транзакции, стоимость которых сегодня растёт с ростом сложности, останавливая научно-технический прогресс.

Есть конспирологические обоснованное мнение, что прогресс намеренно тормозится некой злокозненной глобальной элитой, которая боится, что прогресс разрушит её глобальную власть. Однако проблема банальнее: в рамках свободного рынка и сложившейся на нём в процессе развития системы кредитного финансирования прогресс естественным образом тормозится по мере роста сложности производств, и в этом процессе торможения, сопровождающегося ограничением конкуренции, в итоге устанавливается некое равновесие, в котором конкуренция снижается до минимума, в идеале — до конкуренции двух ключевых производителей, а прогресс сводится к малым улучшениям.

Таков глобальный тупик, в котором мы находимся. Реиндустриализация в этом тупике даже не невозможна, она просто нецелесообразна.

Нужен выход из глобального тупика. И это вам не "привлечение прямых иностранных инвестиций". Это — создание нового глобального рыночного пространства, понимаемого как пространство эффективного проведения финансово-промышленных транзакций. Это новое рыночное пространство, которое будет внешним по отношению к существующему, должно стать тем самым внешним сильным рынком, который поглотит и переварит существующий. И оно должно быть создано на новом информационно-технологическом уровне. Его сила должна заключаться в самой новой инфраструктуре.

Одним из ключевых IT-трендов последних лет является тренд на создание интернета объектов, который должен прийти на смену повсеместно распространённому сейчас интернету сайтов, известному под аббревиатурой WWW. Переход к качественно новой архитектуре глобальной информационной сети позволит реализовать ридивущую ещё в начале первого десятилетия XXI века концепцию капитализации информации и "больших данных". Это само по себе уже позволит на время снять ограничения на экономический рост — накладываемые физическим спросом ограничения, которые постоянно порождали в прошлом циклические кризисы перепроизводства, а сегодня породили перманентную стагнацию, в которой рентабельность капитала стремится к нулю, и глобальная экономика находится в "ловушке ликвидности".

Интернет объектов, который объединит в себе данные об объектах и транзакции с объектами и между объектами, в том числе и финансовые, потребует изменения архитектуры денежной системы. По всей видимости, именно с этим связано то, что почти синхронно в Китае, Франции, Швеции, Британии и США центральные банки анонсировали работы по созданию цифровых наличных денег. Эта идея разрабатывается и Банком России. Будут именно цифровые наличные, существующие в отвязке от счетов коммерческих банков, и в этом смысле только они

могут быть действенной национальной альтернативой всё более расширяющейся неконтролируемой системе криптовалют, позволив включить цифровые финансовые механизмы непосредственно в цифровые экосистемы.

Роль коммерческих банков и кредитных денег снижается благодаря тому, что всё больше функций в деле финансового обеспечения экономик берут на себя центробанки. Роль систем прямых платежей и соответствующих IT-технологий и стандартов будет только расти. Сейчас тот, кто контролирует SWIFT, контролирует глобальные платежи, и это даёт неоспоримые конкурентные преимущества США и ЕС. В будущем на смену SWIFT придут другие протоколы, стандарты и архитектура. Платежи станут прямыми.

В будущем не те, у кого наилучшая кредитоспособность, станут эмитентами резервных валют, а те, у кого наилучшая, наиболее технически продвинутая платёжная инфраструктура, легко встраивающаяся в бизнес-процессы субъектов экономической деятельности.

Подлинный прорыв совершат те, кто создаст сразу новую полноценную, открытую для любого экономического субъекта объектно-ориентированную среду со встроенным в неё готовым платёжным механизмом. Это как интернет объектов, только шире: объекты станут не только вещи, но и потребители, и производители, и производственные процессы, и будут возможны прямые экономические транзакции между всеми этими объектами на основе так называемых смарт-контрактов, формирующихся и исполняющих транзакции в автоматизированном режиме. Это будет торгово-финансово-промышленный интернет (ТПФИ), который придёт на смену сегодняшнему, именуемому Web 2.0.

Это окно возможностей для значительного повышения эффективности цифровых технологий за счёт создания системных IT-решений нового поколения, и это жизненно необходимо с точки зрения государственной безопасности.

Появилась очевидная ниша для создания нового цифрового социально-экономического пространства, в котором ограничения существующих сегодня монополистов будут преодолены. Олигополии будут разрушены. Речь идёт о создании новой среды и набора инструментальных средств, которые позволят реализовывать сквозные IT-проекты. Этой средой и должен стать ТПФИ, который придёт на смену устаревшей WWW. Реализация проекта ТПФИ позволит стране не только обеспечить национальную информационную безопасность и суверенитет, но и масштабировать решение, обеспечив себе глобальное лидерство в IT и цифровой экономике будущего, конкурентоспособность которой будет опираться на резкое сокращение транзакционных издержек, а также затрат на решение проблем кибербезопасности. Именно через это может быть преодолён кризис роста сложности. Именно это нужно для того, чтобы научно-технический прогресс оставался экономически оправданным в рамках формально сохраняющихся привычных свободно-рыночных механизмов.

ТПФИ позволит перехватить управление в глобальной экономической системе на технологическом уровне, дав возможность его создать, захватить стратегическую инициативу в IT. Перехват управления на технологическом уровне ведёт к перехвату управления финансами. Это необходимо для преодоления зависимости национальной финансовой системы от внешнего контроля, в том числе чисто технологического, её ликвидности — от внешнего спроса, а в целом это необходимо для обеспечения финансового суверенитета.

На сегодняшний день это самый радикальный путь пресловутой "диверсификации экономики". Создание ТПФИ потребует создания организационно-правовых условий для запуска нового глобального интернет-сервиса. Потребуется также привлечение системного финансирования и административно-политической поддержки. Но, главное, для решения этой задачи есть готовые национальные кадры. Россия сильно программистами. Становление сильной национальной IT-школы — один из немногих постсоветских успехов нашей страны. Глупо не воспользоваться этим ресурсом для создания среды. Будет такая среда — будет и реиндустриализация, и диверсификация, и импортозамещение, потому что в эту среду естественным образом перетекут необходимые ресурсы.

Лидерство обеспечивается технологиями. У России есть потенциал для решения задачи достижения лидерства в IT и в строительстве интернета объектов и платёжных систем нового поколения. Дело — за государственной волей, потому что такая стратегия не может осуществляться как коммерческий проект в узко-коммерческих интересах. Эта задача должна решаться в рамках национального проекта создания цифровой экономики.

Иллюстрация: рисунок Василия Проханова «Ковидопитек»